

Живущие в хрущевке героини кинофильма «Взрослые дети» со слезами на глазах узнают, что их зять купил мопед вместо немецкой мебели «Хельга», на которую они так долго отменялись в магазине. Это была одна из самых приличных и доступных советским людям мебель, полированная, в светлых тонах, с приличным дизайном. Кроме того, «Хельга» действительно была удобной — в нее влезало очень много вещей самых разных членов семьи, а также и мелкая бытовая техника, от утюга до электробритвы. И смотрелась она в малометражной квартире очень недурно.

Само слово «стенка», если вдуматься, было весьма символичным. Еще недавно в СССР в ходу было словосочетание «поставить к стенке», и надо сказать, ставили довольно активно, а тут «стенка» сама пожаловала в дома москвичей. Налицо — явная гуманизация понятий в советском обществе. «Стенка», объединяя разные по назначению корпуса в общие блоки шкафов, позволяла таким образом делить квартирное пространство на несколько функциональных зон. Украшением «стенки» нередко был секретер с откидывающейся крышкой, превращающейся в столик, за которым можно было неплохо посидеть. А напитки можно было хранить в баре, скрывавшемся в глубине секретера. Бар был оформлен роскошно — зеркалом, обит красным кожзамом. А еще за таким столиком ребенок мог делать уроки — весьма удобно! Показателем достигнутых критериев хорошей жизни, принятых в советском обществе, служили забытые дефицитными изданиями книжные шкафы со стеклянными дверцами. Отдельная секция предназначалась под хрусталь и чайный сервиз. При этом сама «стенка» превращалась в декорацию для периодически перемещаемых по комнате кресел, стульев и дивана, что выражало желание москвичей хоть как-то сменить обстановку. Ведь мебель-то другую уже не купишь — та, которая есть, она на всю жизнь.

Вместе со «стенками» пришли и кухонные гарнитуры, мягкие уголки опять же для кухни, кресла-кровати для детей (на них можно было проспать лет десять, вплоть до армии). А в коридор обычно ставили трельяж, представлявший собой своеобразное зазеркалье — три узких зеркала, а внизу тумбочка. Из книжных полок лучше всего было покупать чехословацкого производства — они не разваливались и не падали со стены через месяц-другой.

К услугам людей, у которых руки «фосли, откуда надо», был специализированный советский журнал «Моделист-конструктор». Из него можно было узнать, как своими руками из подсобных материалов смастерить книжный шкаф, шведскую стенку, вешалку в коридор. Оставалось только достать пиломатериал — с этим была проблема, выходом из которой служило знакомство с грузчиками соседних магазинов — овощных, промтоварных. У них можно было достать по дешевке деревянные ящики и поддоны, превращавшиеся после долгих и неоднократных экзекуций (шкуркой, шлифовкой, лакировкой) во вполне приемлемый для обшивки материал. Возникло даже такое поветрие — обшивать кухню или коридор «под дерево». Герой пьесы «Старый Новый год» замечает в этой связи: «На дерево хорошо девчонки идут!»

Повсеместное распространение приобрели пластмассовые люстры с «висюльками» типа «Каскад», состоявшие из четырех ободков с крепившимися к ним по кругу «хрустальными» штучками. При электрическом свете люстра кому-то напоминала хрустальную. Стоила она чуть больше 20 рублей, потому была дефицитом и висела во многих квартирах. К люстре старались достать такие же настенные светильники — бра.

Как бы в ответ на пластмассовые люстры появились хрустальные, в том числе изготовленные знаменитой Артелью им. Клары Цеткин в Воронеже и продававшиеся по розничной цене 37 рублей 46 копеек. Но они были отнюдь не из венецианского стекла, как утверждал «потерпевший» работник склада в фильме «Мимино».

Популярными стали подсвечники в качестве элемента украшения интерьера. Их тоже было полно в комиссионках, самая известная из которых, торговавшая хрусталем, фарфором и прочей роскошью, находилась на Арбате, 36. Главное — наличие денег, и тогда свое место на резном буфете занимал «шикарный, прекрасно сохранившийся шандал, и даже не просто темной бронзы, а посеребренный, а при хороших отношениях с торговыми работниками — и серебряный», — свидетельствует счастливчик. Там же, на Арбате, можно было удачно прикупить и картины, например, миниатюру кого-нибудь из талантливой и дружной семьи Маковских.

Подсвечник, а рядом фотографии в рамках хорошо смотрелись на пианино, купленном для занятий любимого чада в районной музыкальной школе. Это тоже было модно: для общего развития ребенка заставляли вместо гуляний на улице учить гаммы. Бабушка или дедушка также были задействованы — дважды в неделю возили внуков в «музыкалку».

Так и складывались специфические материальные приоритеты московской творческой интеллигенции — письменный стол, обитый зеленым сукном «как у Чехова», такого же цвета настольная лампа (у Сталина в кабинете похожая была), иконы по углам, а еще плетеные кресла-качалки, резные буфеты и неудобные пузатые диваны. Впрочем, почему только творческой. Вот, например, описание семейного гнездышка одного из многочисленных помощников Брежнева: «В Москве их образ жизни стал похож на буржуазный: огромная пятикомнатная квартира на улице Горького, обставленная стильной мебелью, с диванным гарнитуром, обитым шелковым штофом, многочисленные украшения в виде бронзовых или фарфоровых статуэток, хрусталя и картин завершали вид богатого, процветающего дома... Приобретения были не только увлечением, но истинной страстью хозяйки. Трудности [повседневной] жизни открывали неожиданные возможности. Оказывается, можно было поделиться талонами в “кремлевскую столовую” с вдовой престиж-

ного художника и задешево приобрести его картины, которым нашлось бы место в небольших музеях».

Иконы, которые не раз упоминаются в нашей книге, были предметом интереса в самых разных слоях общества, что можно характеризовать как некий китч. Мы видим, например, икону в фильме «Бриллиантовая рука» в квартире мелкого жулика Гены Козодоева. Среди москвичей собирательство икон было в моде. Например, писатель Андрей Синявский со своей супругой Марией Розановой чуть ли не ежегодно отправлялся в турпоходы за иконами по разоренным деревням Русского Севера. Порой иконы буквально спасали от гибели. Этот маршрут знали и многие другие, нажив себе приличное состояние.

Народ попроще вешал на стены не иконы и картины, а ковры («как в юрте»). К 1970-м годам ковер был почти в каждой московской квартире. Хорошие шерстяные ковры с причудливыми узорами привозили из Туркмении, а также из-за границы. Стоили ковры недешево. И по этой причине класть на пол такую красоту считалось расточительством. Зимой с большим удовольствием ковры выносили на улицу, клали на снег и выбивали палками или специальными пластмассовыми шлепалками. Ковер оставлял на снегу большое серое пятно, а уже в квартире источал запах свежести. А у кого-то над кроватью висел маленький хлопковый коврик с бахромой, своего рода гобелен. Разнообразием сюжетов они не отличались — картины из жизни оленей, слонов или рыбок. Некоторые граждане вешали на ковер кортики, кинжалы и сабли, а на стены — чеканку.

А еще была мода в 1960-х годах вешать на стену портреты писателей. «В Москве почти в каждой квартире на стене висел Хем — вместо иконы. Хемингуэй. “Праздник, который всегда со мной”. Вот он нас всех и споил! Русскому главное — дать идею, и непременно заграничную, и хорошо бы разрушительную, и пошли слизывать как обезьяны. Под Хема спидись все. Это считалось самым модным. Пили водку, “Чинзано”, шампанское, джин с тоником, виски — в обихо-

де было выражение “до положения риз”», — вспоминает актриса Татьяна Егорова. А кроме Хема вешали Экзюпери («И когда летал Экзюпери»), а из наших — Пастернака.

Проблемы заставить купленную мебель тоже не возникало, у всех всё было одинаково — либо хрусталем, либо гжелью-хохломой и прочими народными промыслами, либо фарфоровыми сервизами — у кого на что хватало денег и опять же вкуса. Люди знающие из комиссионки не вылезали, в 1960—1970-е годы там было полно дореволюционных сервизов заводов Гарднера, Кузнецова, Попова и даже царской хрустальной посуды. А простой народ довольствовался несколько тяжеловатой продукцией завода из города Гусь-Хрустальный (из прозрачного и синего стекла) или еще лучше — изящной чешской фирмы «Богемия» (этикетки не выбрасывали, так и пользовались, чтобы было видно). В 1970-е годы сложился своего рода домашний культ хрусталя. Фужеры и бокалы ждали очередного праздника за стеклом, в стенке. Предметы потяжелее занимали свое место на открытых полках — вазы, розеточки, салатники. Несколько раз в год все это доставали и перемывали в специальном растворе из уксуса и соли, а еще терли сырым картофелем, протирали крахмалом или спиртом.

Тяжело было с сантехникой, во многих хрущевках раковины на кухнях как были, так и остались чугунными (ванна тоже). Постоянно текли водопроводные краны и сливные бачки, становясь источником дополнительных доходов для хамоватых сантехников. Один из них, по имени Афоня, стал олицетворением непритязательного советского бытового сервиса. Как ловко он надувает «астронома» своей фразой: «Воду я тебе перекрыл, не вздумай снова открывать!» Тут уж отдашь любые деньги за «японскую» прокладку (отечественные прокладки продавались в хозяйственных, но постоянно пропускали воду и были недолговечными). А как деловито он «меняет» раковину! Раковины делились на ленинградские (получше) и саратовские (похуже) — по месту их производства. Да, не зря

номенклатура так полюбила дома ЦК, оснащенные итальянскими унитазами.

Однообразие квартирного пространства порождало культ бытовой техники, превращаемой в предмет гордости. Еще Маркес заметил, что советские люди считают себя изобретателями множества самых простых вещей, начиная с вилки и кончая телефоном: «Если однажды иностранный турист встретит в Москве нервного лысоватого парня, который станет утверждать, что он изобретатель холодильника, не надо считать его сумасшедшим: вполне возможно, он на самом деле изобрел холодильник, много лет спустя после того, как он стал повседневностью на Западе».

Массовое производство советских холодильников началось только после войны, а до этого они и не требовались, ибо хранить в них было особо нечего: всё, что покупали, тут же и съедалось. Первый серийный холодильник был московского происхождения и назывался он в честь родившего его в 1950 году завода «Газоаппарат», потом были «Север», «Морозко», «Саратов», «Минск», «Юрюзань», «Апшерон», «Бирюса» и др. О своем присутствии в квартире холодильник не давал забыть, напоминая о себе круглосуточным шумным урчанием: если он стоял в кухне, то на ночь ее лучше было закрывать. То же относилось к коридору, и уж совсем плохо, если наглый холодильник пролезал в комнату — приходилось терпеть его вечное бормотание. Еще одной проблемой была нагревающаяся задняя стенка, используемая для сушки носков. Разновидностью холодильного творчества в СССР стала модель «Ока», выпускаемая секретным Муромским оборонным заводом. На двери этого холодильника было встроено отверстие для выдачи прохладительных напитков. Нормальным явлением был холодильник со встроенным замком, дверца которого закрывалась на ключ, что оправдывало себя в условиях коммуналки.

Самым популярным был и оставался все годы советской власти холодильник «ЗИЛ» (в 1956 году счастливыми обладателями марки «ЗИС-Москва» стали более шести тысяч москвичей). Сразу было видно, что

это московский холодильник — стилиста среди всяких там «Саратовов» — обтекаемой формы, с изящной дизайнерской надписью на корпусе, большая металлическая ручка, хромированная отделка. Положить дефицит в такой холодильник было вдвойне приятно. Холодильник «ЗИЛ» отличался и хорошим качеством, поскольку делали его на автозаводе. Отличный металл, прочная покраска обеспечивали ему долговечность и огромный спрос. «ЗИЛ» постоянно совершенствовался, были «ЗИЛ-63», «ЗИЛ-64» и трехкамерный «ЗИЛ-65». В основном очередь на «ЗИЛ» состояла из инвалидов и участников войны, заслуживших право иметь дома хороший холодильник для хранения продовольственных заказов.

Известность получил и финский «Розенлев», тот самый, на который товарищ Саахов покупает себе невесту в фильме «Кавказская пленница, или Новые приключения Шурика» (1966). Он был доступен только наиболее ответственным руководителям, и потому нахождение такого «предмета интерьера» в квартире мгновенно определяло место и должность его обладателя. Такие люди обычно ели по утрам на завтрак финский сервелат, доставая его из финского же холодильника.

Отечественные холодильники работали долго, редко ломаясь. Свою старость они встречали на даче, куда их вывозили, как и прочее отжившее свой век имущество. Но даже там, когда сгорал мотор, к ним приходила вторая молодость вечного металлического шкафа, в котором можно было хранить все что угодно.